

В ПОИСКАХ НОВОЙ РОССИИ

Из всех проблем, стоящих перед «зарубежной Россией» — главной, единственно-серьезной, является (или, по крайней мере, должна была бы явиться) проблема: что она и чем она должна быть в отношении России коренной.

На этот вопрос с большой легкостью дают свои ответы политики. Но их ответы, по необходимости разнообразные, — часто субъективны. Некоторое приближение к объективному ответу возможно, однако, на почве осложнения пространственного подхода к проблеме (Россия коренная и «Россия зарубежная») — временным, на почве представления о трех Россиях — старой, дореволюционной, которой уже не знают многие представители молодого поколения эмиграции; современной, революционной, которую сколько нибудь ясно представляют себе лишь немногие из ее состава, — и России новой, послереволюционной, которую никому не дано знать, но схематическое провидение которой всетаки возможно. Ибо когда мы говорим о России прошлой, настоящей и будущей, то мы не просто присоединяем к понятию России три времени, а берем три стадии закономерно развивающегося процесса — революционного.

Революции по видимости хаотичны и действительно таковы — мы являемся в своем течении, но закономерны в происхождении и исходе. Революции происходят тогда, когда в развитии разных сторон общественной жизни (религиозной, моральной, правовой, политической, экономической, социальной, технической и т. д.) утрачивается согласованность, которая является залогом покоя или спокойного развития. Русская революция, как многие другие, произошла на почве отставания **политического** строя от развития хозяйства и общественного самосознания новых, приходивших на историческую арену, социальных групп. Но отставание не непременно должно быть дано в области политики: в современной европейско-американской цивили-

зация есть симптом застоя экономических форм, сравнительно с развитием техники и многих сторон духовной культуры.

Но революции закономерны в своих исходах. Синтез того жизненного, что было в дореволюционном строе с тем жизненным, — ибо исторически обоснованным — что принесла революция, реализация того, к чему стремилась страна еще до катастрофы, — но отметенье того, что произвольно выдвинулось на поверхность за пластический период революции — вот картина, которую всегда являет послереволюционный строй. Эта историчность в исходе революций не всегда сознается современниками. Новая Франция казалась подлинно новой, в революции сотворенной, французам двадцатых и тридцатых годов 19-го века. Но пришел Токвиль и непреложно уяснил, что эта Франция основными чертами продолжает Францию дореволюционную, точнее, осуществляет те потребности, которые случались в двери еще до революции, но тогда не были услышаны.

Кончится русская революция, станет действительностью новая Россия, и русский Токвиль покажет изумленным современникам, что эта Россия не так нова, как кажется. Ибо если будет новая Россия, то она будет органическим синтезом между Россией старой и Россией наших дней.

С этой оговоркой возможно даже несколько более конкретное предвиденье новой России. В ней имеют наибольшие шансы осуществиться те тенденции в развитии старой России, которые в этой России подвергались задержке. Иногда такие тенденции, хотя и в искаженном виде, просвечивают уже в период революции. Таковы напр. тенденции к культурной демократизации и к индустриализации. Иногда положение оказывается более сложным: революция в своем развитии выдвигает поочередно разные тенденции, относящиеся к одной и той-же жизненной сфере; так можно полагать, что в области аграрных отношений последовательные стадии революции дают прообразы грядущего закрепления мелкой частной земельной собственности (аграрный строй 1922 - 1928 гг.) и интенсивного развития сельско-хозяйственной кооперации (коллективизация, в которой идея кооперации подвергнута сильнейшему искажению). Но могут в будущей России проступить и такие тенденции старой, которые в революционный период оказались на вид сорванными.

ми (тенденция к восхождению православной культуры); отдельные тенденции могут, конечно, и окончательно заглухнуть.

Степень вероятности осуществления таких частных предвидений, конечно, много меньше, нежели в отношении к общему облику новой России. Какова бы ни была она в своих конкретных очертаниях, новая Россия не будет ни восстановлением старой России, ни закреплением революционной. Анти-исторично и потому нереально мыслят как те, кто считает возможной реставрацию, так и те, кто полагает окончательно данным то, что есть сейчас.

К этой новой России, в известных отношениях продолжающей старую, но в других ее отрицающей — и должна стремиться эмиграция, которая, конечно, обязана оставаться верной хранительницей всего того ценного, что было в исторической России; но она должна понимать, что это традиционное, историческое, приложится к новой России только в своеобразном преломлении, так сказать, не в той форме, в какой оно было в России до революции, а в той, в какой оно уже в ней стремилось.

Новая Россия может перейти из области мечты в область фактов только после того, как будет создан и созреет новый идеал, — согласно вышесказанному, отвечающий определенной схеме. Но в условиях небывалого в истории культурных народов деспотизма, новые идеалы могут складываться только в порядке молекулярных процессов. Этому духовно-творческому процессу, имеющему предварить чаемое преобразование родины, и должна и потому может способствовать в условиях свободы пребывающая эмиграция. От того, поймет ли она свое призвание, — зависит вообще, сыграет-ли она какую-либо роль в становлении новой России. Этой роли не будет, если она по-прежнему будет смотреть на себя преимущественно, как на арьергард старой России: всякий арьергардный бой, даже удачный, кончается сдачей позиций. Эта роль откроется перед ней только в том случае, если она сумеет выделить из себя идеологический авангард новой России.

Н. С. Тимашев.